

Вестник Европы
Третий год. Книга 9

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Европы: Третий год. Книга 9 / – М.: Книга по Требованию, 2019. – 486 с.

ISBN 978-5-517-92000-3

Русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным). До 1868 года выходил ежеквартально, с 1869 года — ежемесячно. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 год). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1868 года

ISBN 978-5-517-92000-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

ТОМЪ V.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

ДАЧА НА РЕЙНѢ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новый романъ писателя съ талантомъ, подобнымъ таланту Бертольда Ауэрбаха, также мало нуждается въ рекомендаціи передъ русской публикой, какъ и передъ собственной, германской. Слава его упрочена и имя его стало дорогимъ у насъ, какъ и въ Англии, въ Америкѣ, во Франціи. Но да будетъ позволено мнѣ, какъ старинному пріятелю автора, воспользоваться появленіемъ его послѣдняго произведенія въ русскомъ переводѣ, чтобы бросить бѣглый взглядъ на его прошедшую дѣятельность.

До сихъ поръ не изгладилось въ Германіи впечатлѣніе, произведенное его знаменитыми рассказами изъ Шварцвальдской деревенской жизни («Schwarzwälder Dorfgeschichten»), появившимися въ началѣ 40-хъ годовъ. Обращеніе литературы къ народной жизни замѣчается около того же времени во всѣхъ странахъ Европы (вспомнимъ Жоржъ-Зандъ—*La Mare au Diable*, *La petite Fadette* и т. д., а также и то, что совершалось у насъ въ Россіи), но честь почина остается за Ауэрбахомъ. Попытки воспользоваться нетронутой почвой народной жизни, не разложенной еще «ядомъ рефлексіи», и тѣмъ самымъ придать ослабѣвавшей литературѣ новую жизнь и здоровые соки—подобныя попытки встрѣчаются еще раньше Ауэрбаха: въ Германіи до

сихъ поръ не забыли той части Иммермановскаго романа: «Мюнхгаузенъ», въ которой, съ такой поэтической правдой, воспроизведенъ бытъ вестфальскихъ крестьянъ; — фигуры «сельскаго головы» (Oberschulze) и «бѣлокурой Лизбеты» остались достояніемъ литературы; но самый романъ, фальшивый, вычурный, безжизненно-фантастическій, какъ всѣ произведенія германской романтической школы 20-хъ годовъ, поглощаетъ своими мутными волнами прелестный оазисъ вестфальской идилліи. Сама эта идиллія явилась въ «Мюнхгаузенѣ» какъ второстепенный эпизодъ, и Иммерманнъ не придавалъ ей другого значенія. Ауэрбахъ поступилъ иначе. Возвратившись въ тихое пристанище родныхъ долинъ Шварцвальда, онъ оставилъ за ихъ чертою всю свою ученость и образованность, всякія политическія и эстетическія симпатіи и антипатіи, все, что до того времени волновало и занимало его; не оставилъ онъ только дара поэтической наблюдательности, и его любящее чуткое сердце осталось при немъ. Ауэрбахъ не сочинялъ идиллій: онъ погрузился всецѣло въ народную «суть». Не утонченно развитый человѣкъ, въ невольномъ сознаніи своего превосходства, снисходительно вступалъ въ сношеніе съ новымъ и интереснымъ бытомъ, посѣщалъ крестьянскія семейства, изучалъ ихъ нравы, ихъ житейскія привычки и странности; — въ кругъ ихъ проникалъ поэтъ, который самъ былъ сыномъ этихъ долинъ, родился самъ въ крестьянскомъ семействѣ: съ сыновней нѣжностью и «піэтетомъ» возвращался онъ въ міръ, съ которымъ его связывали самыя кровныя узы. Онъ находилъ въ немъ то, чего не давали ему тѣ классы средняго и высшаго городского сословія, въ которыхъ онъ до тѣхъ поръ вращался: — простыя человѣческія отношенія, цѣлыя, не надломленные характеры, односторонне-твердыя нравственныя убѣжденія — и, какъ фонъ для всей картины, ту несравненную, и величественную и привѣтную природу Шварцвальда, которую всю какъ-бы насквозь провѣваетъ крѣпительной свѣжестью сосновыхъ лѣсовъ и горныхъ вершинъ.

Недаромъ сказалъ Гёте: — «Не былъ бы глазъ солнцобразнымъ, какъ могъ бы онъ увидѣть солнце?» ¹⁾ И Ауэрбахъ, при

¹⁾ War nicht das Auge sonnenhaft, wie konnt' die Sonne es erblicken?

всей силѣ своего таланта, не могъ бы такъ органически завладѣть всѣми тайнами той, до тѣхъ поръ почти замкнутой жизни—еслибъ самъ онъ былъ ей чужой. Этотъ фактъ объясняетъ, между прочимъ, и то преимущество, которое сохранилъ Ауэрбахъ передъ всѣми своими послѣдователями и подражателями. Въ его словахъ слышится звукъ ничѣмъ незамѣнимый. Точно также — если позволительно сравнивать малое съ великимъ—и у насъ, въ «Саввушкѣ» злополучнаго, скоро погибшаго И. Т. Коворева, чувствуется, при всей скудости содержанія и неумѣлости исполненія, своеобразная, теплая струя, которая дается только особенной, бытовою близостью автора къ описываемымъ нравамъ. Коворевъ былъ, какъ извѣстно, сынъ мѣщанина. Колыбель Ауэрбаха стояла въ бѣдномъ деревенскомъ домикѣ, въ Нордштеттенѣ (онъ родился въ 1812-мъ году); съ измала и со всѣхъ сторонъ, у домашняго очага, въ школѣ, на улицѣ, въ лѣсахъ и долинахъ охватилъ его крестьянскій бытъ. Работникъ его отца, добродушный Наги рассказывалъ ему, ходя за плугомъ, старинныя сказки и легенды, пастухъ пѣлъ ему пѣсни, сохраненныя живымъ преданіемъ, дѣвушки повторяли ихъ на сходкахъ за прялками — и все это поэтическое богатство навсегда, неизгладимыми чертами западало въ его сердце. Было еще одно обстоятельство, которое придало его зарождавшемуся развитію особое направленіе, его уму—особую окраску. Ауэрбахъ—еврей, и съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ нужду. Отецъ его занимался торговлей скотомъ наряду съ земледѣліемъ—и обремененный многочисленнымъ семействомъ, едва сводилъ концы съ концами. вмѣстѣ съ поэтическимъ даромъ, Ауэрбахъ унаслѣдовалъ и ту остроту разсудка, ту отчетливую сообразительность, ту выносливую силу терпѣнія — словомъ, тѣ качества, которыя составляютъ отличительные признаки еврейской породы. Эти качества припились ему въ пользу—сперва при изученіи Талмуда (съ двѣнадцатилѣтняго возраста его предназначали въ званіе раввина): онъ развилъ ихъ потомъ еще сильнѣе, когда, будучи студентомъ въ Мюнхенѣ и Гейдельбергѣ, промѣнялъ свои прежнія занятія на чисто-спекулятивную философію. Поэтъ, и философъ, и еврей въ Ауэрбахѣ сказались въ самомъ выборѣ перваго его научнаго труда, и перваго поэтическаго произведенія: предметомъ того и другого было

одно и тоже лицо, по духу и по происхожденію близкое и какъ бы родственное Ауэрбаху: Спиноза. Полное изданіе сочиненій великаго еврейскаго мыслителя въ нѣмецкомъ переводѣ — и романъ, озаглавленный его именемъ, появились одновременно въ 1837 году. Послѣдовавшіе за тѣмъ романы: «Поэтъ и Купецъ», «Милые Люди», «Что такое счастье?» — хотя и доставили автору почетную извѣстность въ тогдашней германской литературѣ, но теперь могутъ интересоватъ насъ только какъ свидѣтельство честнаго и добросовѣстнаго исканія пути, соотвѣтствовавшаго врожденнымъ дарованьямъ. Путь этотъ открылся ему наконецъ дома, въ тишинѣ Шварцвальдскихъ долинъ. Съ появленія перваго собранія «Деревенскихъ рассказовъ» (въ 1843 году Ауэрбаху минулъ 31 годъ), съ появленія этихъ рассказовъ, создавшихъ литературный жанръ, онъ уже зналъ свою цѣль — и шелъ въ ней неуклонно.

Мы сказали выше, что Ауэрбахъ оставилъ за чертою своей родины всю свою приобрѣтенную образованность: это выраженіе нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи. Вполнѣ отбросить вліяніе культуры нельзя, да и не слѣдуетъ. Притомъ, то свойство его ума, которое направило его въ изученію Спинозы, не покинуло его и въ крестьянской избѣ, имъ посѣщенной и воспѣтой. Нарисовавъ поразительно вѣрными, тонкими, хотя иногда нѣсколько мелкими чертами свои фигуры, онъ иногда не отказывается себѣ въ удовольствіи пофилософствовать на ихъ счетъ; со всѣмъ искусствомъ опытнаго мастера обращаетъ онъ вниманіе читателя на тайное ихъ значеніе, на то символическое, которое лежитъ въ основаніи всякой непосредственной жизни, и высказывается иногда въ самыхъ, повидимому, незначительныхъ словахъ и поступкахъ... Рассказъ у него иногда становится аллегоріей. А потому и не удивительно, что онъ не могъ надолго удовлетвориться воспроизведеніемъ тѣхъ простыхъ человѣческихъ отношеній, той вѣчной исторіи любви, ея горестей и радостей, которымъ исключительно посвящены его первые рассказы: онъ сталъ постепенно вносить новѣйшіе диссонансы въ патриархальную гармонию деревни. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе права это сдѣлать, что въ наше время борьба великихъ интересовъ и вопросовъ, волнующихъ общество, проникаетъ въ сокровеннѣйшіе

уголки. Обратившись въ народу для излѣченія собственныхъ недуговъ, онъ кончилъ тѣмъ, что открылъ присутствіе тѣхъ же недуговъ, подъ другими формами, въ народѣ. Вниманіе художника стало останавливаться преимущественно на тѣхъ лицахъ избраннаго имъ міра, которыя сами вовлекаются въ ту борьбу, подпадаютъ подъ неотразимое вліяніе общественныхъ вопросовъ. Ауэрбахъ принялся изображать (въ «Луциферѣ» и другихъ романахъ) то—столкновеніе независимаго, свободнаго духа и сильнаго характера, съ притязательнымъ авторитетомъ римско-католической курии; то — всѣ послѣдствія внезапнаго перенесенія прекрасной женской души изъ простой обстановки родного быта въ сложныя условія придворной, столичной, искусственной жизни... Читатели, вѣроятно, не забыли романа, на который мы намекаемъ — «Жена профессора», одного изъ самыхъ поэтическихъ созданій Ауэрбаха. Въ этомъ же произведеніи онъ также въ первый разъ коснулся вопроса, который съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе его привлекаетъ, въ который онъ старается все глубже проникнуть—вопроса о бракѣ, во всей его важности и полнотѣ, со всѣми его почти неразрѣшимыми противорѣчіями — и постояннымъ стремленіемъ къ разрѣшенію и примиренію. И Ауэрбахъ попытался представить это разрѣшеніе, это примиреніе—сперва въ самой скромной, низменной сферѣ (въ «Эдельвейсѣ»), а потомъ на самыхъ вершинахъ общественнаго зданія, въ самыхъ высшихъ слояхъ европейской культуры. Читатель понимаетъ, что рѣчь идетъ о романѣ: «На высотѣ», хорошо извѣстномъ и русской публикѣ. Глубина міросозерцанія, сила психологическаго анализа, изысканное мастерство языка — всѣ постоянныя свойства Ауэрбаховскаго дарованія, никогда еще блистательнѣе не проявлялись, чѣмъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи; но нельзя не сознаться, что поэтическое творчество иногда удаляется на второй планъ, высказывается въ деталяхъ и слишкомъ явственно выступаетъ работа соображающаго разсудка. Особенно бросается это въ глаза при воспроизведеніи тѣхъ лабиринтообразныхъ путей, по которымъ прекрасная придворная дама и ея царственный другъ, увлеченные, опутанные страстью, стараются выбраться на ту свободную *высоту*, гдѣ вслѣдъ за раскаяніемъ и страданіемъ наступаетъ торжество обон-

чательнаго примиренія. Все это очень умно, тонко, занимательно (дневникъ Ирмы, напр., наполненъ самыми интересными подробностями), — но можно было бы во всемъ этомъ желать болѣе жизненности и менѣе той сантиментальности, которая, также какъ у Диккенса, хотя въ другомъ родѣ, представляетъ Ахиллесову пятку Ауэрбаховскаго дарованія. Съ увѣренностью можемъ мы сказать, что эти недостатки почти не существуютъ въ предстоящемъ романѣ, между тѣмъ какъ всѣ великія достоинства творца Шварцвальдскихъ рассказовъ развернулись въ немъ съ полнотою еще небывалой. Еще никогда Ауэрбахъ не задавалъ себѣ болѣе широкой задачи, не захватывалъ ея такъ глубоко и не исполнялъ ея съ такимъ совершенствомъ.

Мы сейчасъ, не безъ намѣренія, назвали Ауэрбаха творцомъ Шварцвальдскихъ рассказовъ. Онъ знаетъ самъ, что въ связи съ родиной — его главная сила, онъ знаетъ, въ какую почву росли его корни. Недаромъ онъ и въ романѣ «На высотѣ» рисуетъ фигуры, подобныя Вальпургѣ и всей ея семьѣ. Избравъ мѣстомъ постояннаго жительства столицу — пока одной сѣверной Германіи, — онъ не прервалъ постоянныхъ сношеній съ своей любезной Швабіей. Для нея онъ издаетъ своего «Кума» (Gevattermann), свой Народный Календарь. Правда — тамъ, гдѣ, можно сказать, родилась его муза, въ этихъ прирейнскихъ долинахъ, господствуетъ еще и съ каждымъ годомъ возстаетъ, въ своихъ противукультурныхъ стремленіяхъ, та мощь, противъ которой онъ уже направилъ столько стрѣлъ, и которой готовится нанести новый ударъ въ своемъ послѣднемъ романѣ — мощь суевѣрія и предрасудковъ. Но Бертольдъ Ауэрбахъ въ полномъ разцвѣтѣ жизни и силъ — и онъ не отступитъ отъ борьбы, въ которой видитъ свое призваніе. Пускай же онъ подаритъ своей землѣ и всему читающему свѣту еще много созданій, въ которыхъ высокая образованность, въ соединеніи съ яснымъ умомъ и поэтическимъ даромъ — дружно стремятся къ посильному разрѣшенію жизненныхъ задачъ, завѣщанныхъ намъ всей протекшей исторіей европейскаго человѣчества!

Ив. Тургеневъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ВИДѢНІЕ СЪ КРЫЛЬЯМИ.

«Еще минутку подождите! вонъ машетъ какой-то господинъ, который также хочетъ ѣхать», — сказалъ перевозчикъ сидѣвшимъ въ лодкѣ. То были мужчина и двѣ женщины.

Мужчина — человѣкъ невысокаго роста, съ сѣдыми волосами и очень румянымъ лицомъ; его голубые глаза глядѣли добродушно, но задумчиво и устало; взъерошенные усы, совершенно закрывавшіе верхнюю губу, какъ будто по ошибкѣ попали на это спокойное лицо. Онъ одѣтъ былъ въ лѣтнее платье съ иглолочки, изъ той новомодной матеріи, которая вся усыпана бѣлыми крапинками, какъ будто носящій ее человѣкъ систематически катался па перинѣ; на ремнѣ висѣлъ у него красивый сабъ-воязъ, вышитый синимъ и краснымъ бисеромъ.

Напротивъ него сидѣла высокая и стройная женщина, съ безпокойными глазами и рѣзкими чертами лица, которыя нѣкогда были, вѣроятно, привлекательны. Она дѣлала нетерпѣливыя движенія головой, досадуя на задержку; повидимому, она не привыкла дожидаться; она встала и опять сѣла. На ней было матово-желтое шелковое платье; бѣлый вуаль, на сѣрой круглой шляпѣ, обернуть былъ кругомъ какъ повязка на тюрбанѣ. Она еще разъ быстро откинула голову назадъ, потомъ стала смотрѣть внизъ, какъ будто съ намѣреніемъ не думать больше о томъ, кто заставлялъ ее ждать, и утѣнула конецъ своего большого зонтика въ край лодки.

Подлѣ мужчины сидѣла, спокойно улыбаясь, стройная блондинка въ голубомъ платьѣ; въ рукѣ она держала на резинковомъ шнурѣ небольшую темную шляпку съ птичьимъ крыломъ. Голова у нея была большая, большой лобъ казался еще больше отъ пышныхъ заплетенныхъ въ косы волосъ, и два толстые локона падали направо и налево на плечо и грудь.

Лицо дѣвушки было весело и простодушно, и ясно какъ тотъ свѣтлый день, который освѣщаль весь ландшафтъ.

Дѣвушка надѣла теперь шляпу, и мать еще нѣсколько поправила ее.

Дѣвушка быстро сняла дорожныя перчатки и вынула изъ кармана свѣжія, и пока она поспѣшно натягивала перчатку на руку, она смотрѣла на подходившаго господина.

Это былъ молодой человѣкъ съ густой темной бородой, высокой и красивый, крѣпкаго сложенія, съ сѣрымъ пледомъ на плечѣ и въ сѣрой, съ широкими полями, шляпѣ съ чернымъ флеромъ. Онъ твердыми шагами спустился по извилистой дорожкѣ съ крутого берега, вошелъ въ лодку и раскланялся, молча снявъ шляпу; это движеніе открыло правильный бѣлый лобъ, отбѣненный темными каштановыми волосами. Смѣлость и рѣшительность выражались на его лицѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждало къ себѣ довѣріе.

Дѣвушка осмотрѣлась вокругъ, мать еще разъ поправила ей шляпу и при этомъ какъ будто ненамѣренно спустила одинъ длинный локонъ на грудь, а другой положила за плечо; это выходитъ очень красиво и кажется случайнымъ и непринужденнымъ.

Господинъ въ платьѣ съ крапинками прижалъ къ губамъ свою палку съ бѣлымъ набалдашникомъ.

Новый пассажиръ сѣлъ далеко отъ нихъ и смотрѣлъ въ рѣку, а между тѣмъ ихъ лодка быстро поплыла.

Лодка пристала къ острову; на островѣ былъ обширный монастырь, въ которомъ было еще и учебное заведеніе для дѣвицъ.

Пассажиры вышли на берегъ.

— Ахъ, какъ хорошо! и неужели здѣсь приходится учить вокабулы? сказала дѣвушка, и указала на высокую группу деревьевъ, стоявшую на берегу; деревья были расположены полукругомъ такъ близко одно къ другому, какъ будто всѣ они выросли изъ одного корня. Въ кругу этой группы поставлены были узенькія скамейки.

— Иди впередъ! сказала дама съ строгимъ взглядомъ, и быстро подала мужу руку.

Дѣвушка пошла впередъ, посторонній господинъ слѣдовалъ за нею.

Въ кустахъ пѣли соловьи, дрозды, зяблики, какъ будто бы они хотѣли громко заявить: — Здѣсь у насъ райское спокойствіе и миръ, и никто насъ не тревожитъ! Темныя сосны съ широко раскинувшимися вѣтвями у берега, и длинный рядъ лиственницъ съ ея свѣтлой зеленью, стояли совершенно спокойно, а въ цвѣтушихъ каштановыхъ деревьяхъ жужжали пчелы.